

Важная роль в выработке такого международно-правового режима может принадлежать Казахстану, перед которым сейчас стоит задача сохранения авторитета в области обеспечения информационной безопасности, упрочения своих позиций в мировом информационном пространстве, проведения эффективной информационной политики.

1. Крутских А.В. Информационный вызов безопасности на рубеже XXI века // *Международная жизнь*. — 1999. - №2. - С.48.

2. Информационные вызовы национальной и международной безопасности / Под ред. А.В. Федорова, В.Н. Цыгичко. - М.: ПИР-Центр, 2001. - С. 193.

3. *Convention on Cybercrime (Будапешт, 23 ноября 2001 г.)* // <http://conventions.coe.int>.

4. Наумов В.Б. *Право и Интернет: Очерки теории и практики*. — М.: Книжный дом «Университет», 2002. - С. 16-17.

К. М. Атымтаева

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Представление социальной адаптации личности в качестве объекта философского анализа требует уяснения принципов (стратегии) социальной адаптации, установления границы исследования между «интерпретативным» и «нормативным» подходами в социологии. Прежде всего, уясним себе следующее. Адаптивно-интерпретативное направление социальной философии охватывает примерно следующий перечень ключевых понятий по рассматриваемой нами проблематике: адаптивная ситуация и установка, интерпретация и идентичность, индивидуальная система значений и информационно-символическое взаимодействие, которые в комплексе с понятием «стратегия социальной адаптации» могут составить понятийный каркас данного исследовательского подхода. Для сведения - анализ «интерпретативной» и «нормативной» парадигм впервые был выполнен американским исследователем Т. Уилсоном [1, С. 560].

Доминирующая методологическая ориентация символического интеракционизма Мида наиболее зримо проявляется при её сопоставлении со структурно-функциональной теорией социального действия Парсонса и его последователей. Вслед за Т. Уилсоном мы начинаем убеждаться, что теоретическая конфронтация социальных концепций Мида и Парсонса явилась основой принципиального противостояния парадигмы - интерпретативной и нормативной. Нормативная парадигма, - отмечает Х. Абельс - постулирует, что «участники социального взаимодействия разделяют общую систему символов и значений, относящихся к социокультурной системе ценностей, которая обладает принудительной силой. Вследствие социализации в общей системе ценностей

партнёры по взаимодействию интерпретируют социальные явления и события как соответствующие некоторым «образцам» уже известных из прошлого ситуаций и способов поведения» [2, С. 45-46].

Интерпретативная парадигма, напротив, «исходит из отсутствия заранее заданной общезначимой системы символов в строгом смысле этих терминов. В своей программной статье «Методологические основы символического интеракционизма» Г. Блумер целенаправленно акцентирует внимание на позиции символического интеракционизма - «человек способен приписывать вещам значения, т.е. интерпретировать окружающую среду и тем самым создавать свой символический мир. Если человек намерен действовать, то он должен продемонстрировать себе и другим значения этого символического мира». Мы с интересом обнаруживаем, что проблема социальной адаптации личности практически долго никем не рассматривалась в качестве одного из этих важных феноменов, а интерпретативный подход столь длительное время фактически игнорировался при анализе философских аспектов адаптации личности в социуме. Мы отмечали, что приспособительный процесс - это череда постоянных изменений разнообразных социальных ситуаций, которые непрерывно интерпретируются субъектом социальной адаптации. А раз так, то процесс и результативность социального приспособления не объяснить с помощью анализа одних лишь объективных и субъективных причин этих изменений.

С позиции интерпретативного подхода интерпретация субъектом адаптации социальных ситуаций вполне может быть рассмотрена в качестве специфической доминантной стра-

тегии социальной адаптации личности. Ибо от направленности и итогов индивидуального интерпретативного процесса зависит не только степень мобилизации личности в адаптивной ситуации, но и сам факт отнесения любой новой социальной ситуации к классу адаптивных, требующих активной или нарочито пассивной адаптивной стратегии. Следовательно, не всякая новая для индивида социальная ситуация становится адаптивной, а лишь та, которая будет интерпретирована личностью в качестве таковой.

Не меньшее значение для постижения истинной сущности и механизма социальной адаптации имеет устойчивая связь, существующая между полнотой идентичности человека и степенью эффективности социальной адаптации личности. Отсюда - наша следующая гипотеза. Мы полагаем, что обретение личностью в ходе социальной интеракции полноценной идентичности целесообразно рассматривать в качестве свидетельства успешной социальной адаптации.

Следовательно, становление такой идентичности, адекватной индивидуальным ориентациям, - это не только одна из вполне реальных целей социального приспособительного процесса, но и достаточно эффективный критерий и признак его успешности. Обоснованность такого нашего утверждения подкрепляется и мнением Н.М. Лебедевой, когда она пишет: «Идентификация...даёт человеку ощущение контроля над собственной жизнью и тем самым способствует его адаптации в новой социальной реальности». Именно поэтому устойчивая взаимосвязь между результатами социального приспособления и поисками индивидуальной идентичности может и должна быть прослежена и на функциональном уровне.

Наше следующее логическое соображение состоит в том, что самоидентификация личности в процессе символической интеракции в не меньшей мере связана с борьбой за адаптацию в значимом для неё социальном окружении. При таком подходе центральная идея Дж.Г. Мида о том, что идентичность человека определяется способностью последнего смотреть на себя глазами своего социального окружения, при всей её кажущейся нелогичности оказывается подходящей для решения проблем социальной адаптации личности.

Итак, можно резюмировать - если социальное окружение в явной или скрытой форме оценивает результаты социальной адаптации личности, то это мнение рано или поздно скажется как на частных результатах при-

способления, так и на результативности всей последующей адаптации.

Для нормативного подхода вполне приемлема простая констатация - человек адаптировался к социальной ситуации. Для интерпретативного подхода важно установить, что же на самом деле субъективно означает в индивидуальной системе координат конкретного человека, иными словами - какой смысл адаптированный субъект или общество вкладывают в констатацию успешного приспособления кого-либо к чему-либо в той или иной социальной ситуации. В заключение вновь вернёмся к тому, с чего начинали - к стратегии социальной адаптации личности и окончательного ее формулирования с учетом того, к чему пришли в ходе систематизации вышеизложенных мнений.

Итак, стратегия социальной адаптации общества - это информационно-логический алгоритм, задающий способы реализации адаптивного потенциала общества путём оптимального использования всех доступных экономических, политических, интеллектуальных ресурсов адаптации с целью достижения оптимального приспособляющего эффекта - идеальной цели, которая объективно задаётся обществом личности в качестве социально приемлемой.

Понятие «стратегия адаптации» фиксирует наше понимание того обстоятельства, что в целостном приспособительном процессе личность всегда (в явной или скрытой форме) использует некий комплекс (сочетание) приспособительных алгоритмов, системный характер которых и призвано отразить данное понятие. Другими словами, вычленение из общего потока процесса социальной адаптации личности экономических, информационных, психологических и других приспособительных стратегий осуществляется лишь аналитическими средствами и для специальных целей научного анализа. Следовательно, в реальной адаптивной практике целесообразнее вести речь о целостных комплексах (сочетаниях) тех или иных адаптивных стратегий. В итоге отмечаем, что любая стратегия адаптации личности - это всегда некая идеальная модель искомых результатов приспособления, взятых в единстве с идеальным алгоритмом приёмов и способов их достижения, специфика которых задаётся самим процессом индивидуальной интерпретации значимых параметров социальной ситуации, выраженных в информационно-символических значениях.

Процесс поиска и выработки стратегии социальной адаптации личности - это неизменно

идеальное информационное целеполагание, промежуточные приспособительные результаты которого сканируются и тестируются на оптимальность с помощью информационного механизма прямой и обратной связи. Это нужно не только для получения методологически объёмной картины приспособительных процессов в обществе, но и для того, чтобы преодолеть те реальные затруднения, которые появляются при обсуждении механизмов возникновения и функционирования не только индивидуально-групповых, но и социетальных стратегий адаптации личности. (Понятие «социетальной трансформации» ввела крупнейший российский ученый Т.И.Заславская у которой социетальное качество общества состоит из 3 элементов - совокупность базовых институтов, социальная структура и человеческий потенциал. Социетальный тип общества задается характером не только двух общепризнанных базовых институтов, какими являются власть и собственность, но и развитостью двух других институтов - многообразие и зрелость структур гражданского общества, широта и надежность прав и свобод человека. [3. С. 5-12]).

По сути дела, «конечная цель гуманитарных наук, - заметил К. Леви-Стросс в работе «Неприрученная мысль», - не в том, чтобы создать человека, а в том, чтобы его растворить». Подчеркнём, что такое «растворение» человека в социальных структурах, с одной стороны, означает радикальный отказ от любого «гуманистического» анализа субъектной природы адаптирующейся личности вне каких-либо структурных рамок, с другой же - открывает вполне реальную перспективу изучения приспособительных процессов на уровне функционирования глобальных социальных структур.

Доказано, что основные затруднения при использовании интерпретативного подхода состоят в его принципиальной неспособности осуществить необходимый анализ приспособительных процессов на уровне макросоциальных структур. Поиск же методологических оснований для адекватного анализа логически приводит нас к признанию вполне очевидных преимуществ и перспектив именно за структурно-функциональным пониманием роли и значения социальных структур в формировании стратегий социальной адаптации не только индивидуального, но и социетального уровня.

Аналитически допустимы две такие позиции. Первая связана с решением дескриптивных и нормативных задач эпистемологии; в нашем случае это вопросы о том, какова истинная сущ-

ность социальной адаптации личности и каким требованиям должна отвечать методология изучения этого феномена? Вторая заключается в выборе исследователем эпистемологически корректных условий анализа избранного феномена.

Становится ясным, что методологически корректные разрешение и интерпретация установленных адаптивных затруднений вполне осуществимы при условии адекватного понимания объективного характера дуальности нормативно-интерпретативной онтологии социальной адаптации личности [4, С. 234].

В основу дальнейших рассуждений будут положены близкие нам представления К.Р. Поппера о характере методологии научного познания, изложенные им в работе «Логика и рост научного знания», где был осуществлён критический анализ инструменталистской и эссенциалистской научных методологий. Итак, как уже отмечалось, в основу применения Н. Бором принципа дополнительности была положена методология инструментализма, исходящая из того, что научная теория, будучи всего лишь формальным инструментом вычислений и предсказаний, не способна претендовать на истинное описание онтологии сущего.

Именно это инструменталистское основание вполне правдоподобно объясняет причины отказа Бора от любых интерпретаций атомной теории как описания чего-либо реального. Следовательно, для Бора было важнее именно то, что инструменталистский подход позволил математически преодолеть скандальный казус, хотя онтология изучаемого феномена при этом так и осталась не прояснённой.

Столь же неприемлема для Поппера и методология эссенциализма, которая, скорее, является учением о том, что «наука стремится к окончательному объяснению, то есть к такому объяснению, которое (в силу своей природы) не допускает дальнейшего объяснения и не нуждается в нём».

Следовательно, эссенциализм выступает в качестве учения о полном и окончательном объяснении всего сущего. Отсюда вытекает ключевая претензия к эссенциализму: квалифицируя научную теорию как полное и окончательное объяснение, эссенциализм превращается в тормоз на пути научного прогресса, который предполагает постоянное воспроизводство научных проблем, в которых эссенциализм практически не нуждается. Итак, основное возражение против эссенциализма, связано с тем, что последний считает наш мир лишь видимостью, за которой открывается истинный и реальный мир. Для нас такое

понимание неприемлемо в силу того, что «мир каждой из наших теорий, в свою очередь, может быть объяснён с помощью других, дальнейших миров, описываемых последующими теориями - теориями более высокого уровня абстракции, универсальности и проверяемости. Концепция о сущностной, или окончательной, реальности рухнет вместе с учением об окончательном объяснении [5, С. 317].

Следовательно, формальные социальные структуры способны в неявной форме (фоново) конструировать, отбирать и модифицировать те или иные адаптивные стратегии, используемые для оптимизации жизнедеятельности тех или иных социумов. Оказавшись в контексте групповой либо социетальной адаптивной ситуации, личность сталкивается с тем, что, с одной стороны, она может использовать индивидуальные адаптивные стратегии, которые были бы наиболее адекватны групповой или социетальной адаптивной ситуации. С другой – достаточно велика вероятность того, что в этих распространённых адаптивных ситуациях личность как субъект адаптации окажется в большей мере объектом приспособительного воздействия со стороны групповых или социетальных структур, использующих для этих целей специально разработанные групповые и социетальные стратегии адаптации.

---

1. Аронсон Э., Уилстон Т., Эйкерт Р. *Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме (Пер. с англ.)*. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 560 с.

2. Абельс Х. *Интеракция, идентичность, презентация*. СПб., 1999.

3. Заславская Т.И. *Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция*. - М.: Дело. 2002, 2003. 568 с.

4. Алексеев И.С., Бородкин Ф.М. *Принцип дополненности в социологии // Деятельностная концепция познания и реальности: Избр. тр. по методологии и истории физики*. - М., 1995.

5. Поппер К.Р. *Логика и рост научного знания: Избр. работы*. - М.: Прогресс, 1983.- 605 с.

***

В статье рассматриваются принципы социальной адаптации. Стратегия социальной адаптации общества - это способы реализации адаптивного потенциала общества использования экономических, политических, интеллектуальных ресурсов адаптации с целью достижения оптимального приспособляющего эффекта. Понятие «стратегия адаптации» фиксирует, что в целостном приспособительном процессе личность всегда (в явной или скрытой форме) использует некий комплекс приспособительных алгоритмов. В статье отмечается, что любая стратегия адаптации личности - это всегда некая идеальная модель искомых результатов приспособления.